

ЗОЛОТОЙ АД

ВАДИМ КАССИС

ВОДНОЙ из африканских газет мне как-то попала на глаза интересная заметка, которая называлась «Невеселая азбука». Точнее говоря, то был своеобразный словарь терминов из лексикона американских сенаторов и прочих бизнесменов, наезжающих в Африку. Позволим себе привести его полностью.

А — Африка, Азия, Америка Латинская. Население: агитаторы и антиамериканцы.

Г — Голод. Лучшая, проверенная диета для молодых государств Африки.

Д — Дружба. Доллары. Долги.

Е — Евангелие. Сборник пословиц, поговорок и прибауток для украшения речей, обращенных к африканцам.

Ж — Жвачка. Радикальное средство решения продовольственной проблемы.

З — Заем. Затягивается на шее долгосрочным узлом из расчета 10—20 процентов годовых.

Л — Луна. Под луной можно открыть парочку модных ресторанов «Только для белых».

М — Маска. За ней удобно скрывать свое истинное лицо.

О — Объективность. Традиционная черта западной прессы. (Устаревшее.)

П — Помощь. Петля. Порабощение.

Р — Рука. Служит для приветствий и получения прибыли.

С — Совесть. Стыд. Справедливость. (Устаревшее.)

Т — Тарзан. Яркий представитель коренного населения Африки, храбрый белый поселенец, демократ и холостяк.

У — Улыбки. Увещевания. Угрозы.

Ф — Фервурд. Стопроцентный «свой парень» и, конечно, с Юга.

Ч — Черный ход. Лучший путь на Черный континент.

Ш — Шутка. Например: «Африканцы могут сами управлять своими странами!»

Э — Эсминец. Весомый аргумент для дружеской беседы с африканскими лидерами.

Я — Янки. Начало фразы на английском языке, которую выучили даже неграмотные: «Янки, гоу хоум!»

В словаре, с которым мы познакомились, на букву «Ф» упоминается имя Фервурда. Фервурд — стопроцентный расист, полновластный хозяин Южно-Африканской Республики и верный лакей американских и английских монополий. Дельцы из крупнейшей горнорудной компании «Англо-Америкэн корпорейшн» в дружеских отношениях с Фервурдом. Кто-то, а Фервурд хорошо знает, что эта компания по-

явилась на свет при поддержке хозяев финансово-промышленной империи Морганов.

Летописцы «Англо-Америкэн корпорейшн» воссоздают умилительную картину возвышения этого монополистического спрута. Они с вдохновением описывают личные качества ее руководителей, их предприимчивость, постоянное стремление идти в ногу с новейшими достижениями науки и техники. Они рассказывают, сколько компания выплачивает жалованья в год всему персоналу, стыдливо умалчивая при этом, какую сумму получают рабочие-африканцы и какую белые хозяева. И это вполне понятно. Фантастические богатства «Англо-Америкэн корпорейшн» — результат ежедневного изнурительного труда тысяч и тысяч людей.

Проникнуть в вотчину Фервурда, проникнуть за колючую проволоку, окружающую шахты компании, честному человеку почти невозможно. Сатрапы южноафриканского фисрера как огня боятся, что мир может узнать правду обо всем, что делается в их вотчине. Но шила в мешке не утаишь. Время от времени сквозь заслоны цензуры проникают в эфир скучные сводки о кровавых расправах с бастующими шахтерами, о массовой гибели шахтеров, об упорной борьбе людей труда с угнетателями-монополистами. В одной из стран Африки мне довелось познакомиться с человеком, который долго проработал на шахтах ЮАР. Он назвался Юсуфом. Когда я услышал историю его жизни, мне стало понятно его решение эмигрировать, навсегда покинуть его родину.

— В свое время американские миллионеры хранили золото в подвалах нью-йоркской пробирной палаты, — сказал мне Юсуф. — Их укрывала стальная броня в пять футов толщиной. Этой защиты миллионерам показалось недостаточно. Они решили перенести свое сокровище в глубь страны, выдолбить подвалы в горах, окружить их войсками и пушками. В конце концов золоту все равно, где лежать — в подвале или на 102-м этаже небоскреба: металл драгоценный, но мертвый. Но по какому праву американцы загоняют нашего брата, южноафриканского шахтера на глубину более трех километров и заставляют там работать? По какому праву они окружают нас колючей проволокой и выставляют вооруженную охрану!? Разве мы хотим ограбить их? Это они, американские покровители, день и ночь грабят, душат, терзают нас, африканцев, обирают духовно, морально, физически. — Он помолчал. — Они дают жизнь молодым нищим и отбирают ее тоже у молодых нищих, которые сами каждый день ходят по золоту. А все началось с...

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ ЮСУФА

...Это случилось в 1945 году. В то время мир заговорил об атомном оружии. Весной американские летчики на Уэндоверском аэродроме в штате Юта уже тренировались, готовясь к первым рейдам с атомными бомбами. А утром 6 августа над японским городом Хиросима была взорвана атомная бомба. Она была начинена ураном, привезенным из Контанги. В те годы США получали уран только оттуда. Цена каждого грамма обходилась баснословно дорого. Добыть уран — дело нелегкое. И вдруг однажды только что вступивший на пост президента США Гарри Трумэн получил шифрованную телеграмму от президента Южно-Африканского Союза (ныне ЮАР.— В. К.). Она верноподданнически гласила: «Знаю, вы получаете уран из конголезских лесов, что сопряжено с непередаваемыми трудностями. У нас есть богатые залежи этого металла, которые мы предоставляем в ваше распоряжение».

Через неделю по улицам Йоханнесбурга уже носились с бешеной скоростью джипы с американскими инженерами. Экспертов было двадцать человек, а оборудование, которое они захватили с собой, не умещалось даже на пяти грузовиках. Палатки, зонты, инструменты и машины для бурения, противопаразитарные пилюли, мази для защиты от укусов змей и скорпионов — далеко не полный список предметов новоявленной экспедиции.

Через сутки после прибытия в Йоханнесбург американцы заявили, что они готовы выступить к месту разведки. Они знали, что военное министерство США — Пентагон — и все крупные монополисты промышленности, связанные с производством ядерного оружия, ждут от них вестей. И чем быстрее эти вести поступят в Пентагон, тем скорее на поисковую группу польются реки из долларов в знак вознаграждения. Даже миллионеры бывают щедры, если знают, что дело принесет им хорошие барыши.

— Поедем завтра, — сказал с загадочной улыбкой южноафриканский чиновник. — Имущество брать не следует. Мазей тоже не нужно. Захватите только ваши «гейгеры»¹.

Эксперты недоуменно переглянулись. А утром следующего дня к подъезду гостиницы подкатили четыре открытые машины. Водители были в парадной одежде и белых перчатках. От начищенных ботинок густо пахло гуталином. Пуговицы на мундирах сияли под солнечным дождем. Американцы с видимым интересом разместились в машинах, и через сорок минут торжественный кортеж остановился неподалеку от копра шахты.

— А где же мы будем искать уран? — спросил начальник отряда.

— Он здесь, — бойко ответил чиновник, небрежно кивнув на гигантский холм породы желтоватого цвета.

— Смешно, — скептически заметил американец и, скривив гримасу, повернулся к своим коллегам: — Африканское солнце, видно, напекло бедняге голову.

Но чиновник невозмутимо настаивал на том, чтобы гости подошли поближе и исследовали «чудесную землю». Американцы в конце концов согласились. Один из них достал «гейгер» и приблизился к золотому шлаку. Стрелка счетчика мелко задрожала, потом прыгнула сразу на несколько делений. Лихо-

радка прибора словно передалась двадцати инженерам, которые, широко раскрыв глаза, смотрели друг на друга.

В тот самый день монополисты США отдали распоряжение перевести в Южную Африку огромный капитал.

ВТОРОЙ РАССКАЗ ЮСУФА

— Если бы в породе не нашли уран, многие шахты закрылись бы, — продолжал Юсуф. — Золотоносные жилы истощаются быстро. Но жизнь рабочих-африканцев на шахтах еще короче. Смертность высокая. Чтобы пополнять армию, обслуживающую 67 южноафриканских шахт, ежегодно требуется не менее 70 тысяч рабочих. Они добывают золото.

Помню, однажды я возвращался от большого брата не обычным путем, а напрямик, стараясь сократить путь до города. Стояла ночь. Вдруг впереди засветились среди высокой сухой травы керосиновые лампы, послышался рокот мотора самолета. Машина приземлилась. Любопытство толкнуло меня подойти поближе, но на пути встала изгородь из колючей проволоки. У нас такие ограждения делают не только для защиты от диких зверей. Белые расисты частенько прячут за колючей проволокой нашего брата. Так было и здесь. Экипаж таинственного самолета, принадлежащего не менее таинственной авиакомпании «Винела эйр лайнз», круглый год занимается вербовкой рекрутов для шахт. Им обещают райскую жизнь, говорят, что работа на шахтах — это проверка мужества человека. Тех, кого удается заманить, под покровом темноты и прикрытием колючей проволоки из самолета пересаживают в закрытые грузовики и везут на шахты. Там рабочих передают по счету надсмотрщикам.

Жизнь новобранца начинается с рассказа о простой арифметике шахты. Это обычно делает один из старших шахтеров. В самом деле, простому парню вербовщики сулили все блага, чуть ли не дворцы из золота, того самого золота, которое он будет добывать. А что этот африканец, скажем, из Басутоленда или Ньясаленда видит, оказавшись на шахте? Горы шлака, облака пыли, металлические башни, огромные крутящиеся колеса подъемников да изможденные горняки. Чтобы как-то отвлечь внимание новичка, ему и начинают преподавать арифметику шахты. «Знаешь, — говорят, — сколько надо извлечь из земли породы, чтобы получить 30 граммов проклятого золотого металла? Целую тонну, вот сколько! А сколько нужно времени, чтобы прорыть шахту глубиной, скажем, 3800 метров? По крайней мере шесть лет! За один день горняки углубляются на шесть метров. Владелец «Англо-Америкэн корпорейшн» эти работы обходит по три английских фунта в минуту. А когда горняки достигнут золотосной жилы, те же хозяева будут получать каждую минуту прибыль в 100 английских фунтов. И так будет продолжаться примерно 60 лет».

В шахтах работают африканцы. Они принадлежат к пятидесяти племенам, говорят на сорока четырех различных диалектах. Первый раз люди опускаются в забой в 6 часов утра. По ночам на-гора выдается добытая порода. За один прием ковш выбрасывает восемь тонн. В самой глубокой шахте мира, достигающей 3670 метров — «ЭРПМ майн», как кроты, в узких норах-забоях трудятся люди — две с половиной тысячи человек. Там, в глубине африканской земли, заросшая целый город со своим транспортом, станциями, мастерскими. Золотой город горя и слез.

¹ «Гейгер» — счетчик для определения радиоактивности системы немецкого физика Гейгера.

Мне вспоминается, как однажды на золотом руднике «Англо-Америкэн корпорейшн» под Йоганнесбургом сорвались две клетки с шахтерами-африканцами. Их было 75 человек. Спасти удалось не всех. Но об этом хозяева шахты не сообщили. В газетах появилась лишь коротенькая информация о том, что пострадал один белый, работавший в машинном отделении в верхней части шахты. Жизнь африканца ни во что не ценится хозяевами «Англо-Америкэн корпорейшн».

ТРЕТИЙ РАССКАЗ ЮСУФА

— Помню, это было ранним утром. Отец разбудил меня минут за сорок до начала смены. Наспех поев рисовой похлебки, мы двинулись к шахте. Солнце уже разогнало сумрак, небо очистилось, заголубело. Дышалось легко. Мир казался беспрелью огромным и добрым. Но вот мы очутились в железном узком подъемнике. От него пахло ржавчиной и сыростью. Под ногами хлюпала черная жижа. Сверху на голову падали крупные капли воды. Тускло светила электрическая лампочка. Мир сузился, стал мрачным и неприветливым. А подъемник уже падал в бездну со скоростью сорок километров в час. Рядом со мной молча стояли шахтеры. У них были грустные усталые глаза, впалые щеки, опущенные сутулые плечи.

После первого «прыжка» мы оказались на глубине почти полутора километров. Короткая остановка — и снова стремительный полет вниз. В ушах звенело. «Глотай слюну», — посоветовал отец. Но этот прием помогал слабо. Давление менялось, и уши болели невыносимо. Затем мы совершили еще два головокружительных спуска в вагонетках, привязанных к стальному тросу. Душа уходила в пятки. Дышать было тяжело. Раскаленный воздух обволакивал тело, обжигал легкие. Потели даже кончики пальцев. Отец протянул мне фляжку с соленой водой. «Здесь, в шахте, около пятидесяти градусов, хуже, чем в пустыне», — сказал мне отец. Мы вылезли из вагонетки и опустились на колени. Порода нависала над самой головой. Через несколько десятков метров пришлось лечь на живот. Кровь стучала в висках. Лучи мощных прожекторов скользнули по штреку. Я зажмурился, но продолжал ползти за отцом. Руки скользили по мокрой породе. Стук в висках усилился. Казалось, что пульсирующие удары прокатываются по всему телу. Я открыл глаза: впереди на площадке в несколько метров полуобнаженные горняки орудовали пневматическими молотками. Вибрация молотков передавалась их рукам, ногам. Было похоже, что под влажной от пота кожей дрожали даже кости.

Отец подозвал меня к трубе воздухопровода. «Если на каком-нибудь его участке произойдет авария», — сказал он, — мы все погибнем от удушья». Я оглянулся по сторонам. Мокрые грязные спины шахтеров, жидкое месиво под ногами, дробь пневматических молотков, жара. Сущий ад. И в этом аду освещенный лучами прожекторов лежал пласт золотоносной земли. В углублениях зеленоватого пласта сверкал золотой порошок...

Часа через два я вырвался из этого подземного ада. На поверхности тоже шла тяжелая работа. В цехах машины, похожие на железные чудовища, дробили зеленоватую породу. С грохотом вращались железные цилиндры. Смешанная с водой, размельченная золотоносная порода на конвейерах поступала на медные столы, где ее обрабатывали ртут-

ным дождем. Потом эту смесь нагревали до очень высокой температуры. Порода сохла и распадалась, словно выбрасывая из себя золото в чистом виде.

Последняя операция — плавка золота в печах. Здесь все драгоценное — накипь на чанах, нагар на штампах, уголь печей, на который попадали частицы золота, и даже самый воздух. Да, да воздух, в котором витал дух наживы и обогащения «Англо-Америкэн корпорейшн». Ведь все, что производит шахта, попадает прямо в Южно-Африканский банк. А оттуда, проделав длинный путь на специальных самолетах, слитки золота перекочевывают в гигантские подземные хранилища финансовых магнатов США и Лондона. Каждый слиток отмечен двумя печатями — официальным штампом шахты, которая произвела его на свет, и потом и кровью многих тысяч бесправных рабочих.

— Перед самым побегом я впервые увидел золото в большом количестве в управлении прииска, — закончил свой рассказ Юсуф. — Оно лежало в трехлитровой металлической банке. Однако поднять такую банку довольно трудно: ведь золото в двадцать раз тяжелее воды. Управляющий показывал золото каким-то именитым гостям. Помню, он сказал: «В этой банке — труд 25 тысяч горняков за сутки».

* * *

В годы первой мировой войны капиталистические страны накапливали золото для того, чтобы усилить свою военную мощь. После второй мировой войны США поставили цель — завоевать мировое господство. Чтобы добиться этого, монополисты Соединенных Штатов стремятся сконцентрировать в своих руках все золото капиталистического мира и заменить его бумажными долларами. США стараются выкачивать золото откуда только возможно, причем по самой низкой цене. Они ведут борьбу за каждую унцию золота, чтобы строить военные заводы, производить оружие массового уничтожения людей.

От американских миллиардеров не отстают их английские партнеры по эксплуатации богатств ЮАР. По заказам южноафриканских расистов английские фирмы производят и поставляют Фервурду бронемашину «Сарацин», бомбардировщики «Канберра», «Виктор», вертолеты, винтовки, боеприпасы. С помощью англичан клика Фервурда налаживает производство оружия и военного снаряжения внутри страны. В Сасолбурге, например, англичане помогают соорудить крупное предприятие, на котором будет производиться слезоточивый газ. Британские колонизаторы знают: у фервурдских расистов на него большой спрос.

Неуемная жажда наживы является движущей силой монополистического капитализма. Монополии захватывают в чужих странах и хищнически используют основные источники минерального сырья, не останавливаясь при этом перед применением любых экономических, политических и военных средств. Особенно болезненный интерес проявляют западные монополии к месторождениям золота. Золото стало одним из самых сильных орудий финансовой политики империализма. Оно концентрируется в руках наиболее крупных магнатов.

Но ничто не может остановить патриотов — ни слезоточивый газ, ни пули, ни плети. Горняки продолжают вести борьбу против империалистических монополий за свои права.